

ДНЕВНИК КАПИТАНА ШВАРЦМАНА

Повесть

Предисловие

Наши с Омри Шварцманом жизненные пути пересекались несколько раз.

Впервые я познакомился с ним, когда мы вместе учились в университете. Омри был жизнерадостным, очень энергичным молодым человеком. После окончания школы он, отслужив положенные три года, продолжил службу уже в офицерском звании, быстро поднимаясь по карьерной лестнице. Ему довелось стать участником наиболее драматических и кровавых событий, произошедших здесь на рубеже веков и ставших еще одним звеном в бесконечной цепи противостояния.

Несмотря на заманчивые перспективы армейской карьеры, открывавшиеся перед ним, Омри вдруг уволился из армии и, вернувшись к гражданской жизни, отправился в Юго-Восточную Азию, побывал в Индии, Индокитае, Австралии, затем вернулся обратно в Израиль и поступил в университет. После нескольких лет поисков себя он наконец определился с выбором и начал серьезно изучать экономику...

С отличием закончив обучение на первую степень, он принялся за написание дипломной работы на степень магистра и получил должность помощника преподавателя.

Дипломная работа была почти завершена, и он уже строил планы о поступлении в докторат, но все его планы и последующая карьера были прерваны гибелью во время ежегодных военных сборов, на которые он отправлялся регулярно.

Противотанковая ракета угодила в бронетранспортер, в котором находились Омри и его солдаты. Тяжелые бронежилеты, в которые солдаты были одеты по приказу командования, дабы избежать потерь, лишили их даже призрачного шанса на спасение. Вырваться из горящего металла в таком обмундировании было практически невозможно. Погибших солдат опознали с помощью жетонов.

Оказалось, что, несмотря на его жизнерадостность, у Омри было совсем немного друзей. Его девушка, с которой они прожили вместе почти семь лет, передала мне жесткий диск, хранившийся на компьютере Омри. Почему именно мне? Не знаю, может быть, потому что знала о моем пристрастии к литературе и хотела, чтобы память о ее возлюбленном не исчезла вместе с ним. А может, потому что мы часто с ним беседовали и не меньше молчали. Что-то родственное было у нас с ним.

На диске оказался дневник, где Омри подробно описывал свои армейские впечатления. Не знаю, собирался ли он когда-нибудь опубликовать записанное. Сейчас, просматривая его записи, я вспоминал наши с ним разговоры.

Он все никак не женился, хотя все друзья уже давно имели семьи. Как-то раз, когда разговор зашел о семье, Омри просто сказал:

«Я не хочу оставить ее одну с ребенком. Ведь я каждый год по месяцу, а то и больше нахожусь в самом пекле, где каждую минуту рискую получить пулю от снайпера».

Видимо, он что-то предчувствовал, хотя едва ли предполагал, что его жизнь сложится именно так. К смерти он относился спокойно, казалось, он вообще ничего не боится.

Что заставляло его каждый раз рисковать собственной жизнью? Почему он делал то, что было ему не по душе?.. Он ненавидел эту войну, считал ее несправедливой и, тем не менее, каждый раз послушно отправлялся в зону боевых действий.

Пытаясь это понять, я снова и снова читал его дневник, но выводы решил не делать. Поэтому все записи сохранил в том виде, в каком оставил их мой покойный друг. Пусть читатель, которого заинтересует судьба этого человека и та жизнь, которой мы живем здесь, сам сделает для себя выводы.

1. Дед

Старик сломался. Он явно был не готов к этому удару. Всегда сильный, уверенный в себе, с гордой, неподвластной возрасту осанкой, бодрый и веселый, он вдруг разом сник, превратившись в сгорбленного немощного старика. От прежней уверенности не осталось следа, и теперь его лицо выражало лишь растерянность. Оно стало каким-то неживым, взгляд потух. Я смотрел на него и не узнавал. Прежний властный дед исчез, и его место занял жалкий беспомощный старик.

Когда-то он учил меня:

— Никогда никого не бойся. Пусть боятся тебя.

Он внушал это всю жизнь сначала себе, потом моему отцу, а затем и мне.

Дед ненавидел страх и в себе, и в других. А может быть, он боялся собственного страха и потому так жестоко давил его проявление в себе и в близких?..

Чувство страха жило в нем с тех пор, когда немецкие солдаты, согнав человек 200 евреев из небольшого польского местечка, заставили их бежать в сторону советской границы.

— Бегите! — кричали молодые парни в мышиной униформе, толкая их прикладами.

Один из солдат ударил его тогда прикладом по ноге. Несмотря на сильную боль, он бежал вместе с другими мужчинами к заветной границе. Немцы стреляли вслед, и между лопатками у него жгло от ощущения, что в любую секунду пуля ударит в спину. Он бежал изо всех сил, как загнанный зверь, не видя перед собой ничего, кроме заветной полоски земли на той стороне.

До заветной черты их добежало человек 70 — счастливец, кому повезло выжить.

Его отцу не повезло, и он навсегда остался на той стороне. Они с братом выжили тогда, но тот животный страх остался на всю жизнь. Может быть, поэтому он приходил в ярость при виде страха в глазах близких. Он яростно вытапывал страх и выжигал его, как бурьян. Но страх прорастал заново. Это была бесконечная война: он затапывал страх, но тот прорастал снова, и он вытапывал его снова с еще большим остервенением...

Однажды фedaины ворвались ночью в поселение, где жил тогда дед со своей семьей. Раньше здесь была большая палестинская деревня. Потом арабов выгнали, и на месте деревни возник кибуц. Здесь и жил дед после того, как женился.

В тех домах, которые захватили тогда фedaины, они убили всех, от мала до велика. Похоже, план отступления у них отсутствовал вовсе. Они пришли убивать и старались убить как можно больше, совершенно не заботясь при этом о собственной жизни... Убив всех, кто находился в захваченных ими домах, фedaины вступили в отчаянную схватку с охраной поселения и прибывшими им на помощь солдатами с ближайшей базы, не заботясь об отступлении. Они пришли, чтобы умертвить других и умереть самим.

Когда бой наконец закончился и все фedaины были убиты, поселок казался залитым кровью.

После этого случая бабушка умоляла деда переехать в другое, более безопасное, место. Она плакала, ползала перед ним на коленях, и тогда он впервые в жизни влепил ей оплеуху.

— Мы останемся здесь! — заорал он. — И я как мужчина смогу защитить свою семью!

Спустя какое-то время дед, никогда не снимавший военную форму и не расстававшийся с личным оружием, уехал вместе с другими вооруженными и обмундированными жителями поселка на военную базу. А спустя трое суток окна домов в поселении задрожали от взрывов. Снаряды и бомбы рвались в километре от поселения, по ту сторону границы.

Наутро по радио передали, что части нашей армии атаковали лагерь фedaинов на другой стороне границы. Атака была успешной: база фedaинов уничтожена, а сами они все до единого убиты, пленных не оказалось.

Потом, правда, ходили слухи, что на самом деле наши солдаты атаковали лагерь беженцев и убили всех, кто там был, отомстив таким образом за гибель жителей поселка.

Моя тетка, которой было тогда семь лет, рассказывала мне, что слышала крики с той стороны. Впрочем, может быть, ей это только казалось.

Вернувшись, дед сказал бабушке:

— Они больше никогда не вернуться, — и крепко обнял ее.

Он был уверен, что страх больше никогда не войдет в его дом. Но он ошибся. Страх затаился в душах детей. Отец рассказывал мне, что после того случая главным его детским ощущением был страх. По ночам он боялся заснуть и прислушивался к каждому шороху снаружи. До 12-ти лет боялся оставаться один в комнате, а ночью, если деда не было дома, он в ужасе выпрыгивал из своей постели и с криком бежал к матери, которая успокаивала его как могла.

Страх стал главным содержанием его жизни. Он боялся за родителей, за близких, за друзей, за себя... Его ладошки были всегда холодными, даже в сорокоградусную жару, а зрачки огромными, как у кошки. В школе он учился плохо, не в силах ни на чем сосредоточиться. И страх, страх, страх... Вечный страх, от которого болело горло, будто кто-то держал его мертвой хваткой, и еще недержание мочи по ночам и жгучий стыд за свою неспособность справиться даже с собственной мочой...

Дед был сильным и выглядел очень внушительно, но отцу все равно было страшно. И однажды дед с перекошенным от ярости лицом схватил его за шиворот и с силой развернул к себе.

— Смотри мне в глаза! — орал дед. — Если тебе страшно, спрячься у матери под юбкой или надень женское платье и... больше не попадайся мне на глаза!

Мать беспомощно, как птица, вертелась вокруг них. Из глаз моего отца катились слезы, и от этого дед пришел в еще большую ярость.

— Перестань реветь! — прикрикнул он на сына.

Но сын лишь еще сильнее заплакал.

Тогда дед взял его на руки и сказал то же, что говорил до этого матери:

— Не бойся. Они больше никогда не придут.

Он сказал это так уверенно, что сын поверил ему.

Рядом с дедом было не страшно, и тогда мой отец решил стать таким же сильным, как дед.

Федаины действительно больше не приходили. Но спустя несколько лет на поселок обрушились тысячи снарядов с той стороны границы. Несколько дней подряд дети вместе со своими матерями сидели в бомбоубежищах. Один из снарядов, пробив крышу их дома, взорвался в детской комнате. Но к тому времени отец уже был другим. Страх ушел навсегда. Его место заняла ярость.

«Если тебя ударили, ударь в ответ так, чтобы твой противник больше никогда не мог тебя ударить!» — так учил его дед и так жили они оба — отец и сын.

Отец пошел по стопам деда и, будучи подростком, без устали качал мышцы. К 15-ти годам мой отец с любого расстояния бил в цель без промаха. Он призвался в тот же год, когда его отец, мой дед, закончил службу. Служил в боевых частях, а потом стал офицером, как и дед. В 1973-м ему довелось заживо гореть в танке. Отца спасли, но его лицо и руки навсегда остались изуродованы огнем.

— Ты должен быть сильным и никого не бояться. Пускай боятся тебя, — часто говорили мне и дед, и отец.

И всю свою сознательную жизнь я стремился быть сильным. И если бы я действительно не был сильным, то никогда бы не посмел даже приблизиться к нашей школе. Каждый из нас хотел быть сильнее других, и самым страшным пороком у нас считалась слабость. За каждую обиду мы жестоко мстили, потому что не ответить — означало проявить слабость. И если ты не ответишь одному, то завтра все вместе растопчут тебя и превратят в тряпку для ног.

Наверное, родители моих школьных товарищей воспитывали своих детей точно так же, как меня мой дед и отец, и поэтому, точно так же как я, они не хотели никому уступать.

Дед всегда старался жить по придуманным им же принципам.

— О сделанном — не жале! — учил он нас.

Он так и жил, никогда не сомневаясь в том, что делал, и никогда не жалея о содеянном. Дед всегда был абсолютно уверен в собственной силе и основанной на ней правоте. Весь мир для него делился на своих и чужих, на друзей и врагов. Всю жизнь ему казалось, что он абсолютно точно знает, где свои, а где чужие, кто друг, а кто враг.

— «Они» никогда не будут сильнее нас, — часто говаривал дед с высокомерной усмешкой. — «Они» могут только усиливаться, но сильными не станут никогда.

Он даже мысли не допускал о том, что когда-нибудь может быть иначе. Он чувствовал свое превосходство над «ними» абсолютно во всем. Он был умнее, а главное — за ним была сила. Поэтому он смотрел на «них», как белый колонизатор на убогих туземцев.

Впрочем, и на большинство окружавших его людей дед тоже смотрел свысока, как на насекомых. Именно так он смотрел на своих рабочих-филиппинцев и эмигрантов из России, особенно на работавших у него женщин, которых он величал не иначе как «брит амоцеот»¹, «марокканцами», которые, по его мнению, разрушили страну и знают только «мне положено».

Я никогда не мог понять, кого он ненавидел и презирал больше — своих или чужих? Но дед был убежден, что все вокруг живут только благодаря ему и его труду. Ему казалось, что работает только он, а все остальные лишь пользуются его трудом. Окружавших его людей он большей частью воспринимал как бездарей и бездельников.

Круг тех, кого он воспринимал равными себе, был чрезвычайно узок. Эти избранные были очень похожи на деда и происхождением, и судьбой, и общественным положением. В основном это были такие же старики, как и дед, родившиеся в польских местечках и приехавшие в Палестину вместе с дедом, возможно, чуть раньше или чуть позже. В основном это были отставники, так же, как и дед, прослужившие большую часть жизни в армии и теперь определявшие порядок жизни и лицо этой страны. Дед был, пожалуй, единственным из них, кто не скрывал правду о войнах, активным участником которых он был. Он никогда не боялся называть вещи своими именами. Так, себя и своих соратников по оружию он не стеснялся называть эссовцами.

¹ Игра слов: Брит Хамоаот на иврите означает Советский Союз, а брит амоцеот — союз сосок.